

И. Д. ЕРМАКОВ

Психология творчества Гоголя

...всякий человек, с того места или ступеньки в обществе, на которую поставили его должность, звание и образование, имеет случай видеть тот же предмет с такой стороны, с которой, кроме него, никто другой не может видеть.

«Выбранные места из переписки с друзьями»

БОЛЕЗНЬ ГОГОЛЯ

Бедный Гоголь все прихварывает.

Я думаю, что тут много моральных причин его болезни.

Письмо А.А. Иванова к Чижову

О болезни Гоголя, несмотря на то, что о ней сохранилось не много фактического материала, существует несколько статей, между прочим — статья-речь Баженова¹, где он силится показать, что у Гоголя наблюдался тот психоз, который в настоящее время называется циркулярным, или круговым. Волна повышенного настроения при этой болезни сменяется волной пониженного, угнетенного состояния, что особенно ярко сказалось в жизни Гоголя. Гоголь сам прекрасно описал эту свою болезнь, и во многих местах «Переписки» и «Исповеди», которым, однако, не приходится верить до конца, мы найдем некоторые указания на душевную болезнь у Гоголя. Разобрав довольно подробно циркулярный психоз Гоголя, Баженов, как и другие авторы, совершенно не коснулся другого более важного и несравненно более интересного вопроса, именно — насколько отразилась эта болезнь в том или другом смысле на творчестве Гоголя.

Кроме душевной болезни у Гоголя было много других болезней и странностей, и они до сих пор не подвергались никакой попытке сколько-нибудь изучить или объяснить их (см. «Гоголь» Овсяннико-Куликовского²).

Это тем более непонятно со стороны психологов и тех, кто анализировал творчество Гоголя, что он сам в глубокой своей

интроспекции заявляет, что болезнь играла огромную роль в его творчестве. Такой вывод делает Гоголь, опираясь на свою слабость, болезненность, неуверенность в завтрашнем дне, и это заставляло его трудиться, так как времени в его распоряжении было мало, — болезнь давала ему только перемижками эту возможность работать. То, что Гоголь страдал циркулярным психозом с угнетением и преобладанием меланхолической фазы, во время которой он и погиб, дает только внешнее описание условий, при которых творил писатель, и ничего не говорит о том, что мы вправе ожидать встретить в его произведениях. Так что такая справка больше удовлетворяет нашему законному желанию знать как можно больше о великом писателе, но не вводит нас в глубь творческих процессов писателя. Такое положение вопросов о болезни Гоголя, не объясняющее нам даже тех его странностей, которыми полна его биография, зависит от того, что, рассматривая болезнь Гоголя с точки зрения общей симптоматологии заболевания, авторы могут только найти сходство этого заболевания с типичными, описанными в учебниках.

Не этого ждет читатель, который захотел бы понять и осмыслить себе многие стороны в творчестве Гоголя и узнать, почему он творил именно так или поступил таким образом. Подход к такому анализу дает только индивидуальная, а не общая психология или психопатология, и задача такого анализа гораздо сложнее, чем простое прикрепление к писателю ярлыка известной нам болезни.

Уже от Пушкина не укрылось то, что Гоголь был «меланхоликом», и в этом определении сказано больше, чем в медицинском диагнозе. (Впрочем, вопрос этот спорный, не относится ли указанное место к Вяземскому.)

Конечно, не меланхолия делала Гоголя Гоголем, хотя нет никаких сомнений, что болезнь положила свою печать на творчество писателя и прежде всего внешне отразилась в тех сравнительно многочисленных сценах ненормальных действий и состояний, в которых так нередко находятся его персонажи. Душевная болезнь, опьянение, не то сон, не то действительность, бредовое состояние — всему этому Гоголь уделил место в своих произведениях. Даже на периодичность (в письме первого тома он говорит, что началась его обычная болезнь — продолжалась около 3-х недель) есть у него указание в «Пропавшей грамоте», где с бабой ровно каждый год делается такое, что она пляшет, — так и дергает ее пуститься вприсядку. Тяжелую душевную болезнь или родственные состояния описывает он в «Страшной мести», в «Портрете», в «Невском

проспекте», в «Носе», в «Записках сумасшедшего», в «Вие», в «Шинели» и т. д. И о душевных заболеваниях в «Портрете» он роняет такое замечание, которое сделало бы честь современному психологу (оно высказано тогда, когда еще в психиатрии неизвестны были самые обыкновенные формы заболевания, даже циркулярный психоз, т. е. болезнь Гоголя, а о психологии болезни и говорить нечего). Врач, по его словам, искал соответствия, связи между тем, что грезилось больному, и фактами его жизни. Повторяю, к такому подходу способен не всякий даже современный психиатр.

Кроме душевного заболевания его интересует все то, что представляет из себя уродство, недостатки, пошлость, нравственная скудость его героев, и, по его словам, он их находил в своей собственной душе, и смеясь над ними, он смеялся над собой, и потому так тяжел, так захватывает этот его смех, — смеясь, избавлялся он от дурных качеств своих, проецируя и видя их у своих героев. Таким образом преодолевая презренную жизнь, он подтверждал ее в себе, выставляя ярко те типы, которые глубоко связаны с их творцом. И по мере того как подвергает он себя пыткам анализа, выявляя в себе пошлость и «гадости», он не устает себя воспитывать духовно, он думает о спасении души своей, и он нравственно замыкается все больше и больше в себе, так как главная его задача — прежде всего создать и совершенствовать самого себя. «Скучно на этом свете, господа!» — и он создает другой мир, оторванный от современного, от действительности, сильных физически и нравственно примитивных и свободных запорожцев и создания мечты, но он не может забыться в грезах. Любящий театр, он не может жить только показным миром, ему нужны страдания, он будет себя мучить, он будет выдумывать себе невероятные страдания и испытания для того, чтобы полнее обнаружили осадки в его душе со всеми ее недостатками и «гадостями», и он будет это делать с радостью, как подвижник, носящий власяницу или тяжелые вериги, и он не перестанет ярко и зорко глядеть и видеть недостатки всего того, что он сделал, и стремиться к мессианизму, к тому, чтобы дать что-либо великое, нужное своей родине. Он будет искать отрады в физических недугах, так как, только истрадавшись и очистившись, сможет он сделать то, о чем мечтал с детских лет. И так как он ищет, то его душа полна противоречий, его поступки пугают своею неожиданностью, его настроения полны крайностей. Иногда он стремится к тому, чего не хочет;

из противоречий слагается его жизнь и непоследовательно то, что он делает. И он сам при этом присутствует, наблюдает себя как бы со стороны и с наслаждением и пыткой вскрывает и творит, как он говорит, «зеркало», в котором отражается он сам*. У него самого, как говорит Гоголь, не было воображения, у него только интеллектуальный процесс, соображение, глубокий анализ, поскольку глубоко может он видеть самого себя в зеркале. Нет, он ничего не «сочинял»: для того, чтобы написать строчку своего рассказа, какую-либо подробность, он пользовался самонаблюдениями, потом подтверждением наблюдения со стороны и, наконец, теми богатыми наблюдениями, которые производились другими по его просьбе и по его планам. Он группирует материал, собирает его, соображает, что нужно и чего не надо.

В этом собирании и заключается часть его работы, и эта любовь к собиранию лежит как печать самого Гоголя на всех тех, кого бы он ни описывал. Все его персонажи, как увидим мы это дальше, непременно что-нибудь собирают, коллекционируют, приводят в порядок, и у них почти у всех есть странности, дефекты, которые не позволяют как будто бы причислить их к полноправным представителям людей, и это не потому, что Гоголь хотел бы выставить их смешными, нет, он передает беспристрастно то, что он называет аналогически — «движенья незамеченных насекомых». Он их коллекционирует в своих «Мертвых душах», где не только благодаря особому укладу жизни, как думает Переверзев³, или навязанному чужому плану, как полагают критики, а вследствие внутренних психологических потребностей (о чем дальше) мог Гоголь изобразить жизнь такую, как он это сделал. Конечно, и уклад здесь имел значение, и план связывал его, однако не будь у него внутренней необходимости, требовавшей такого коллекционирования, он изменил бы и план и, может быть, уклад, — разве это не его слова, разве не жаловался он на то, что жалка действительность против мечты. К действительности вела его необходимость, к мечте не давала доступ слабость, как он говорил, его «воображения» и жажда реальности, горькой и тяжелой реальности.

Но причем тут болезнь Гоголя? И как поставить ее в связь с тем, что здесь сказано, и со многим другим?

---

* Продолжительное созерцание себя в зеркале, сосредоточение на себе, повторение много раз своего имени связаны с чувством чуждости, странности и даже жути по отношению к себе; см., например, Roheim Spiegelzauber.

Читатель мог уже заметить, что все вопросы, которые намечаются в этом случайном перечислении, не стоят ни в какой явной связи с тем, чем болел Гоголь; эти связи мы можем вскрыть только тогда, когда станем прилежно изучать — черту за чертой — характер Гоголя, проследим его так называемые странности и попытаемся найти те причины, которые может помочь обнаружить нам только так называемая глубинная психология, или психоанализ. Глубинная психология исходит из обусловленности (детерминизма) *смысла* всего того, как поступает, о чем думает человек; нет ничего случайного, бессмысленного в психике творящего, все, что он делает и творит, все это только значки, показатели того, что у него происходит в глубине души, в той области, которая носит название «бессознательного». Там, в этой примитивной области, откуда с громадным трудом можно вызвать воспоминания, там находятся те нам неведомые причины, которые раньше когда-то были у нас, может быть, в сфере ясного сознания, но потом, как неприятные, мешающие и несоответствующие, и невыносимые для нас, погрузились, ушли из сознания, и только странные наши поступки или причудливые идеи, о причине которых мы сами ничего не знаем, указывают, что в бессознательном есть силы, которые действуют на наши поступки и слова без того, чтобы мы об этом что-нибудь могли знать.

Величайшая рассеянность, странные суждения и поступки, ошибки, обмолвки находят свое объяснение в действии бессознательной сферы на сознательную*. О власти бессознательного у Гоголя Пушкин как будто говорит, характеризуя Мольера сознательным обманщиком, тогда как Гоголь, по его словам, обманщик бессознательный⁴.

Таким образом не только в изменениях настроения, характерных для циркулярного психоза, должны искать мы особенностей творчества Гоголя; эти резкие колебания настроения можно было бы притянуть разве только для объяснения гиперболичности, крайностей у Гоголя, однако такое предположение мы должны будем тотчас отвергнуть, так как болезнь Гоголя — явление временное, наступающее периодами, тогда как особенности его мышления, крайности его устремлений, сравнений, доведения известных явлений до высшего их напряжения — постоянные, неизменные свойства его творчества. Если это так, то у всех писа-

---

* См.: Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1923. Т. 1.

телей, страдавших этим недугом, мы должны были бы встретить аналогичные черты в характере, — но нет, ни Гаршин, например, ни Гете, которого иные причисляют к циклотимикам, что является слабой ступенью развития той же болезни, что и у Гоголя, — не проявляли черт характера, сходных с гоголевскими.

Нам необходимо, таким образом, хотя бы наметить психоаналитические зависимости в характере и в творчестве Гоголя, насколько это позволят нам оставшиеся после него сочинения и письма.

Неправ Котляревский, когда в своем предисловии к труду о Гоголе он говорит, что тайну своего творчества писатель унес в могилу⁵; наоборот, редко можно встретить писателя, который бы с такой любовью и так пристально анализировал и выставлял себя, как Гоголь. Во всем, что он писал, лежит резкая печать его индивидуальности, которая так четко, так ярко выражена, что ее не спутаешь ни с чьей.

Его произведения это тот путь, которым шел писатель, чтобы выявить всю глубину внутренних переживаний и той борьбы с самим собою, которую вел он всю свою недолгую жизнь и которая его привела к гибели.

Кроме несомненных болезненных приступов угнетенного настроения у Гоголя, по-видимому, не раз разыгрывалась притворная болезнь или, может быть, агравация того состояния, в которое он легко впадал благодаря своей мнительности (см.: Шенрок. Т. XI. С. 180). Об этом ясно говорят многие места из переписки и свидетельства Аксакова, близкого к Гоголю человека. Аксаков иной раз простодушно недоумевает, для чего понадобилась такая симуляция, запутывавшая дело и ставившая не раз самого Гоголя в нелепое положение.

Поэтому не ко всем уверениям Гоголя об его болезни нужно относиться одинаково: иной раз это не что иное, как ловкий прием для того, чтобы оправдать себя, и, нужно сказать, он нередко прибегал к этому приему.

